

A portrait of an elderly man, Yuri Svetlakov, standing in a rural, mountainous landscape. He is wearing a dark blue and red jacket over a white t-shirt and a camouflage cap. The background features a green field, a wooden fence, a yellow house, and a forested hillside with mist. The text "Юрий Светлаков" is overlaid at the top.

Юрий Светлаков

Художник

из Аската

Юрий Светлаков

Художник из Аската

**Штрихи к портрету
Вячеслава Сергеевича
Торбокова**

Из цикла «Знай наших»

Кемерово 2019

ББК. 76.032

Светлаков Ю.Я.

С 24 ХУДОЖНИК ИЗ АСКАТА

Штрихи к портрету В.С. Торбокова

Кемерово: ООО «ИНТ», 2019 г. 102 с., 120 илл.

Эта книжка-альбом кинооператора Юрия Светлакова
написана по материалам съёмок очерка
«Художник Вячеслав Торбоков»
Время диктует вспомнить удивительных
людей Горного Алтая и Кузбасса.

© Светлаков Ю.Я.

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Воспоминание о прошлом

Есть на Земле места, где побывав один только раз хочется возвращаться неоднократно. Таким местом для меня был и остаётся Горный Алтай, не степной Алтай, а именно Горный Алтай. Но вот сразу вопрос, почему в Барнауле живут алтайцы и в Горно-Алтайске тоже алтайцы. Во времена когда занимался поисками кинодокументов из истории Кузбасса, в том числе и Западной Сибири, в Красногорском киноархиве увидел фрагменты фильма «Ойротия». Немного порылся в истории, и оказалось, что на самом деле на месте Горного Алтая была Ойротия, которую в одночасье решением правительства превратили в Горно - Алтайскую область. Народ из ойротов в алтайцев, а столицу Улала вначале в Ойрот-Тура, потом в Горно-Алтайск. Всё это произошло совсем недавно в тридцатые – сороковые годы прошлого столетия.

Выходит, что правильнее говорить не Горный Алтай а Ойротия. Если рыться в истории, то до дойдём до Чингиз Хана. Для ойротов он был живым богом, а не выдуманным Иисусом или Буддой. Если копать далее, то дойдём до Джунгарского ханства, ну и так далее. Моя цель не рассказывать историю Ойротии, а признаться ей в своей искренней привязанности.

Каким же магнитом она притягивает меня к себе?

Первое, вероятно созвучие моей фамилии и название реки. Признаюсь, моя настоящая фамилия по отцу – Катунин. Может быть есть какие-то родственные связи, которые проснулись к Земле моих предков. Зов предков.

Второе. Я очень люблю горы. Сказать «лучше гор могут быть только горы» - ничего не сказать. Сказать, что алтайские горы лучше шорских – глупость. Обратиться за советом к учителям Востока ещё рано, но мы к ним, может быть, ещё вернёмся.

Я со школьных лет ходил в походы. Вначале на Поднебесные Зубья в Горной Шории. Моим первым сюжетом, после того как стал работать на студии телевидения, были съёмки в горах Горной Шории. Во время учёбы во ВГИКе, моя работа по курсу «Кинокомпозиция» - «Март. Горная Шория» была снята там же.

В 1989 году мы с Сашей Провоторовым, он тогда был студентом нашей кафедры «Фотовидеотворчества» института культуры, снимали фильмы в Горном Алтае. Не помню только какой первый или «Чуя-ралли 89», или «Змеиногорск. Писатель Хейдок». Тут пришла мне мысль составить список очерков и фильмов, снятых в Горном Алтае, а потом выбрать некоторые из них и описать, где снято и кто снят.

Нет, нет! Это пока делать не буду, но список составлю.

Начнём с самого сложного, что значит вспоминать? Странно устроен наш мозг или то, что его заменяет - там где записано и хранится наше прошлое. По сути дела мы должны были помнить всё, каждый день по часам и минутам. Я же не помню всего пережитого, лишь какие-то мгновения без начала и конца всплывают в сознании в виде картинок, чаще всего без звука, как немое кино. Иногда случается, что рассказы близких тебе людей, ты выдаёшь за свои. «То, что было не со мной, помню». (Роберт Рождественский). К «проказам» памяти я ещё не раз буду обращаться в дальнейшем, а пока продолжу размышлять на тему, что такое воспоминание.

В Толковом словаре Ожегова написано:

«ВОСПОМИНАНИЕ. Мысленное воспроизведение чего-нибудь, сохранившегося в памяти».

Возбудителем воспоминаний служат предметы, которые тебя когда-то окружали, увиденное во сне, прочитанное в книге, рассказы людей (не обязательно о тебе «любимом»), фотографии из семейного альбома, кадры из фильмов, как в нашем случае, и так далее.

По Фрейдю, обычно сохраняются второстепенные и безразличные детали, тогда как сильные переживания, связанные с аффектами, часто не вспоминаются вовсе.

Не знаю, не знаю... На мой взгляд, особо ярко вспоминаются моменты, когда событие воспринимается всеми органами чувств одновременно. Сочетание зрения, слуха, нюха, вкуса одновременно.

Есть люди, которые живут прошлым. Они постоянно думают о том, что многое можно было бы сделать иначе, в результате чего их жизнь пошла бы совсем по иному пути.

У Геннадия Шпаликова есть строчки:

*По несчастью или к счастью,
Истина проста:
Никогда не возвращайся
В прежние места.*

Я где-то прочитал, сбившие меня с толку, строчки Михаила Булгакова:

«Помни! Никогда и ни при каких обстоятельствах не опускай руки, иди напролом, не сворачивая. Только так ты добьёшься того, чего хочешь».

Тут я вроде бы согласен. Есть люди, которые живут прошлым. Они постоянно думают о том, что многое можно было бы сделать иначе, в результате чего их жизнь пошла бы совсем по иному пути.

Далее у Булгакова написано:

«Никогда не возвращайся в прошлое. Оно убивает твоё настоящее. Воспоминания бессмысленны, они лишь забирают твоё драгоценное время».

Но тут что-то внутри меня возражает против этих слов.

По его словам получается, что жизнь - это здесь и сейчас, а не завтра и потом. Вроде бы всё правильно.

Мы живём, тоскуя и сожалея о прошлом, думая о будущем. Не отвлекает ли это нас от настоящего?

Сейчас одну умную вещь скажу, я всякий раз её повторяю: «Мир каждый видит в облике ином... И каждый прав, так много смысла в нём».

Это не я сказал, это Гёте написал в своём «Фаусте».

Вот, скажите, только честно, если построят машину времени, захотите переместиться в своё прошлое?

Не каждый решится на этот шаг. Если бы гусеница держалась за прошлое, она бы никогда не стала бабочкой.

Вероятно, нужно избавиться от того, что тянет в прошлое... Просто его отпустить и всё? Но прошлое приходит к нам во сне. Как правило, видеть во сне прошлое, означает, что вы в своём прошлом что-то не доделали или кого-то обидели.

Прошлое напоминает, что надо исправить свои ошибки. Если вам приснились во сне какие-то эпизоды из прошлого, это может также означать, что своей настоящей жизнью вы недовольны и стоит постараться разобраться в причинах недовольства. События, происходящие вокруг тебя, не просто так пролетают мимо, а записываются в файл памяти.

Память играет с нами в прятки. Она хранит очень многое, но со временем замечаешь, что те события, которые происходили давно, с годами вырисовываются всё ярче и ярче, а дела последних лет сливаются в один сплошной мутный поток.

Откуда мы знаем о прошлом, о том, какой была та жизнь, как жили до нас, что делали, какую одежду носили, что ели-пили, какие дома строили? Прежде всего, из рассказов родственников, из книг и фильмов, как сейчас у нас.

Я ни в коем случае не говорю о том, что не надо вспоминать о том, что прошло, жалеть о своих ошибках и мечтать о том, что «вот если бы, да кабы, то всё было бы иначе».

Так почему воспоминание так притягивает к себе?

Если остановиться – оглянуться и вспомнить слова Алексея Максимовича Горького: *«Мы изучаем прошлое, чтобы понять настоящее и увидеть будущее»*, - тогда станет понятно, зачем я взялся за это дело – сохранить на бумаге то, что когда-то было фильмом. Всё повторяется, всё возвращается на круги своя. Если не вспоминать прошлое, не анализировать его, не делать выводов, а просто лететь напролом с высоко поднятой головой, как не раз советовали мне «добрые» дяди и тётки, то это напоминает мне барана перед новыми воротами, который собирается их открыть.

Воспоминания являются стимулом для стремления в будущее, для того, чтобы не было мучительно больно Создателю за бесценно прожитые тобой годы.

Прошлое не возвращается... Прошлое оно и есть прошлое.

Фильмы и очерки о Горном Алтае кинооператора Юрия Светлакова

- «Чуя-ралли 89» 1989
- «Змеиногорск. Писатель Хейдок». 1989
- «В стране Беловодья». 1989
- «На Алтай за чудесами». 1991
- «Здравствуй, Поздаровкин!» 1991
- «Как мы ходили в гости к Басаргину» 1992
- «Там, где течёт Катунь». 1993
- «Валя и Боря и их приёмный сын Гоша». 1994
- «Вера». 1995
- «Алтайские зарисовки». 1995
- «Где живёт Вера?» 1996
- «Оле Нидал. Серебрянный путь». 1998
- «Вот моя деревня...» 1999
- «Анна Горемыкина из Манжерока». 2000

Кадры из фильмов и очерков о Горном Алтае

«Никифоров. Как я стал геологом». 2002
«Художник Чорос-Гуркин». 2001
«Ксюша из Уожана» 2 части. 2002
«Змеиногорск. Музей» 2002
«Светлая жизнь Светланы из села Узнезя». 2003
«Одна». 2003
«Таракай». 2004
«Аскатские истории». 2005
«Три дня в Горном Алтае». 2007
«Горный Алтай». В 4 частях. 2011
«Возвращение в прошлое». 2012
«22 км от Акташа». 2013
«В гостях у Ксюши». 2014
«Наводнение в Горном Алтае». 2014
«За веру и добро». 2014
«Жаркое лето в Горном Алтае». 2015
«Белый шаман». 2015
«Осенний блюз». 2015
«Белым снегом». 2016
«Очарование». 2017
«Возвращение уходящего лета». 2018
«Тайна кукол древней Руси». 2017
«Я на горку шла...» 2018
«Художник Вячеслав Торбоков». В 3 частях. 2019

Некоторые фильмы можно посмотреть ВКонтакте на моей странице и прочитать о них на моём сайте.

Наконец наступила очередь рассказать о художнике из Аската Вячеславе Торбокове. Представляю расшифровку этого фильма.

Кадры из съёмок 2009 года

В кадре цветёт багульник. Титры:
Мастерская документального кино «Свет» представляет
фильм Юрия Светлакова
«ХУДОЖНИК ВЯЧЕСЛАВ ТОРБОКОВ»
Идёт съёмочная группа «Свет» Титр:
Горный Алтай. Село Аскат. Август 2009 года
Старая хроника.

Ведущий: - Впервые я познакомился с художником Вячеславом Торбоковым лет десять назад, в селе Аскат, где проходила выставка его работ.

А дело было так. По дороге на выставку встретили другого художника из Аската - Николая Чепокова, разговорились и немного опоздали на само открытие. Хвалебные речи уже прозвучали. Выступал сам виновник торжества. Это было первое знакомство с творчеством мастера. Здесь я узнал, что он закончил Московский художественный институт имени Сурикова, мастерскую Дмитрия Мочальского.

Говорит Торбоков:

- Первая моя учительница рисования- это моя мама. Она великолепно рисует. Если бы у неё было образование! Она прекрасно рисует лошадей. Она первый критик, она говорит: «Вот здесь хорошо!» или «А здесь я молчу».

Мать Торбокова:

- Смотрю и радуюсь. Знакомые, друзья - все приехали.

Торбоков: - Маме недавно 82 года исполнилось. Она отметила их здесь в Аскате. Мне в жизни всегда попадались очень хорошие люди, мне везло. Я считаю, что всегда впереди должно стоять творчество. Коммерция, финансы на втором месте. Если наоборот, то это всегда приведёт в тупик. Мы всегда должны стараться сделать настоящее искусство.

Титр: Десять лет промелькнули как один день...

Встреча

Мать Зоя Сергеевна

Брат Владимир

Вячеслав. Торбоков

Титр: Горный Алтай. Село Аскат. Август 2019 года.

Ведущий:

- На этот раз я напросился на встречу с Вячеславом Сергеевичем. Мне сказали, что теперь у него есть свой дом, построенный на той самой знаменитой Аскатской поляне, где раньше происходили разные чудеса, такие, как провалы во времени и пространстве. Здесь, не смотря на то, что село небольшое, все знают друг друга, разве что, кроме богатеньких, которые окружили свои дома высокими плотными заборами. Мы недолго искали усадьбу Торбокова. Вышел хозяин - поздоровались. Я подарил ему свою книгу о нашем художнике Иване Селиванове. Во дворе, около костра, сидел его младший брат Владимир, бывший директор ГТРК Горного Алтая, а на веранде 92-х летняя мать Торбокова - Зоя Сергеевна.

- Художник, обычно - одиночка, прячется где-нибудь в кустах.

- Я не такой, я считаю, что художник должен активный образ жизни вести. Поэтому как только я поселился в Аскате, то долгие годы ездил на усадьбу Гуркина, устраивали там круглые столы. Моя соседка - Лена Чувакова, вероятно знаете её, она меня возила, я там выступал на тему: «Как я вижу художника Чороса-Гуркина - как художника, как можно реконструировать его усадьбу. Какие мысли я подавал, в принципе они где-то реализованы. Правда это уже сейчас не мои считаются мысли. Всё равно я очень рад, ибо с великим уважением отношусь к Гуркину и считаю его своим учителем и наставником. Надо чтобы о его наследии знали.

- Откуда появилось желание заниматься рисованием?

- Я как себя помню, с детства я любил рисовать. У меня есть старший брат, он писатель, он любил рисовать и я тоже вместе с ним рисовал. Когда в школе учился, он ходил в студию в Шебалино.

Семья Торбоковых

Выставка учеников Торбокова

В студию я не ходил, но мне всегда нравилось рисовать. У нас рисовала мама. Потом война и она не смогла учиться дальше. Она такой народный талант. Она рисовала людей, но особенно любила рисовать лошадей. Бегущих лошадей, лошадей со всадниками. Она рисовала аилы, коновязь, бытовые сценки. Она научила меня рисовать лошадь. Она всю жизнь была мастерицей народной, выделывала шкуры, шила алтайские шубы нам всем. Я в детстве в такой шубе ходил. Семья большая, и денег особо не было. У нас было девять родных детей и двое детей у нас воспитывались от моего дяди. Одиннадцать детей у нас. Отца у нас давно нет, а мама со мной здесь живёт, ей 92 года. Они воспитали 11 детей. Всем дали образование, почти все высшее образование получили. В основном, у нас все учителя. Старший брат у нас писатель, главный редактор издательства. А этот, что во дворе сидит, младший, он у нас чиновник. Он в своё время занимал в правительстве пост первого заместителя главы республики.

У меня всегда есть такое качество, которое где-то мне мешает, а где то помогает- это любопытство.

- **ЛюбоПЫТНО** значит, пытаться себя. Нехорошее слово.

- Любознательность.

- **Это самое главное качество художника.**

В кадре дети - ученики школы Вячеслава Сергеевича готовят выставку своих работ для показа родителям.

- **Как тебя учат? Пряником или кнутом?**

- Не так и не так, просто по желанию. Нам хотелось научиться.

- **Какие вы сознательные. У вас все такие в деревне?**

- Наверное.

- **Покрикивает на вас Вячеслав Сергеевич?**

- Нет.

Торбоков:

- Вот стоят этюды - ребята начали маслом работать.

Новая студия 6 на12 метров

Это не просто мой дом, это ещё и мастерская

Это наша студия. Занятия у нас два раза в неделю. Здесь всякие образцы рисунка. У нас даже гипсовая голова есть. Художественная школа подарила. Но эта комната маловата и поэтому у нас сейчас строится новая большая студия 6 на 12 метров.

- Это вы сами строите?

- Помогают родители, так как моя студия работает на общественных началах. Я денег не беру, потому что это дети моих соседей, друзей. Желаящие ещё есть, но я не могу брать больше четырёх. Дети такие способные, они уже выбрали дорогу художника. Конечно, я тоже несу расходы, потому что всё невозможно выпрашивать. Если всё будет удачно, мы собираемся уже в 20-м году заехать в эту студию.

Ведущий:

- Я ещё не успел снять приход родителей и обсуждение выставки, как за мной приехали. А самое главное, не успел снять разговор с Вячеславом Сергеевичем. Придётся оставить его на завтра.

Титр: **«ХУДОЖНИК ИЗ АСКАТА» Часть 2.**

Автор – оператор Юрий Светлаков

Титр: **Смотрите продолжение рассказа о художнике**

Вячеславе Торбокове из села Аскат.

Ведущий:

- На этот раз я первым делом напросился посмотреть как живёт художник Торбоков и уже в доме снять разговор, чтобы посторонние шумы не мешали.

- Я собираю чайники. В художественной школе подарили на днях. Целый год за ним охотился. Это мой дом, изба. Небольшой, конечно, шесть на шесть. В первую очередь не просто дом, это ещё и мастерская.

- Я только хотел спросить, а где же мастерская?

Художник Вячеслав Горбоков

Подробности обстановки в доме

- Вот она. Это мольберт мой. У нас пленер был, пришлось ребяташкам отдать этюдник на временное пользование.

Другой работы у меня нет. Вот у нас мастерская, это спальня, это моя кровать, где я сплю. А это матушка. Она до сих пор спит, она как богема- встаёт поздно и пока отдыхает. Это мой рабочий стол, мольберт, телевизор, тут же у нас кухня, плита, которую мне друзья подарили, холодильник маленький... Это у нас кухня, спальня, гостиная, художественная мастерская - всё в одном лице, поэтому такой бардак.

- Такой красивый бардак, я всегда такие бардаки люблю снимать!

- Самое интересное, что когда приезжают сёстры, они начинают порядок наводить, и после них я не могу ничего найти.

- Это самое ужасное!

- Мои сёстры очень чистолюбивые, любят порядок, и когда они приезжают, они тут шмон наводят. Это всё исчезнет, даже если одна сестра приедет. Я всё своё потом буду искать, бегать неделю... конечно, какой-то порядок должен быть. Я какой-то Плюшкин. Даже сломанная вещь у меня всё равно лежит, для чего-то потом пригодится. У меня до сих пор есть ручки, которыми я 50 лет назад в школе писал, стальное перо № 96.

Это книги «Шедевры 20-го века», многотомник эпохи Возрождения, художники Ренессанса. Сегодня утром встал и первым делом смотрел ваш альбом про Селиванова. Это великий художник, вы большое дело сделали, это останется на века. Он занимает место у меня на полке вместе с моими любимыми Леонардо да Винчи и Рафаэлем. У меня книг много, часть здесь, а часть в сенках. Когда я из города переезжал со своей мастерской, у меня была только упаковка книг, а картин мало. Мне друзья говорили, такое ощущение как будто это писатель переезжает, а не художник.

В кадре Торбоков без цветов на столе

Цветы в ведре

- Какой у вас распорядок дня?

- У нас двухразовое питание, потому что мы встаём поздно.

Завтракаем мы где-то в час, во время обеда, поэтому я где-то часа в три начинаю суп варить. У нас обед-ужин в 6-7 часов. И всё - ужина больше нету. Потому что опять некогда - спать надо. Конечно, можно было и один раз сделать обед ...

Центр нашей избы, конечно, вот эта печка. Тут водяное отопление, труб нету. Когда зимой очень морозно, нам приходится два раза утром и вечером топить печку. Дров много уходит, в этом году мы умудрились 20 кубометров сжечь. Дровяник был полный. Сестра приехала весной и спрашивает, а где дрова то? Сожгли. Потому что я люблю, чтобы даже зимой было тепло. Так и живём.

О каком-то большом творчестве пока сложно говорить, пока приходится как-то выживать и продавать работы. С одной стороны, у нас в республике картинных галерей, музеев, которые бы приобретали эти работы как бы нет. У меня наш музей за всю жизнь не купил ни одной работы. В национальном музее у меня работы есть. Там какой-то пейзаж, который я в своё время подарил к юбилею музея, и портрет Гуркина, который я написал совершенно случайно для какого-то вечера памяти. Он должен был быть задником, но превратился в произведение искусства. Поэтому раз никто ничего не забирает, приезжают люди, туристы, если кому – то надо, я недорого беру, у людей денег особо нет, не торгуясь, кто-что предложит, за эту цену и продаю. Поэтому у меня как бы прошлых лет работ нет. Я очень люблю писать цветы и натюрморты.

- Мне не очень нравится вот этот белый стол.

Со двора Торбоков принёс большое ведро цветов.

- Это из леса водосбор?

- Я их называю колокольчики. Вот огоньки...

Продолжаем разговор...

В детстве

В санях

- Я написал достаточно много цветов, несколько сотен. Этих картин сейчас нет. Естественно, несколько лет назад писал их.

- Давайте, цветы, которые вы принесли, на стол поставим - красиво будет. На их фоне повторю вопрос: «Кто научил вас рисовать, правильнее сказать, писать картины?»

- Это с детства начать. Я родился в маленькой горной деревушке Шаргойта. Воспоминание из детства очень большое значение имеет. Для меня детство, одно из самых ярких воспоминаний. Помнится, что все времена года тогда были хорошими. Помню лето жаркое было, обуви особо не было, поэтому мы с ранней весны, как только начинал снег таять, мы уже бегали босиком до самых холодов. Я даже помню как на горочке, на солнечной стороне снег таял, появлялась земля, еще такая холодная, мёрзлая... У нас сапоги были кирзовые. Так мы всегда эти сапоги снимали и босиком бегали. Зимой на лыжах, на санях катались... Поэтому в детстве всегда ждали очередного времени года.

- А отец с матерью ждали, когда же подрастут дети.

- Уже лет с семи мы дрались на кулаках, и не только. Были деревянные автоматы, пистолеты, которые мы сами делали и в войну играли. Мы с горы катались на больших санях. Снимали оглобли, загружались по 10 человек и скатывались. Я помню, что рисовал, конечно, это самолёты, танки, сражения, снаряды летят, бомбы взрываются.

- Фильмы помните, какие смотрели тогда?

- Это «Два бойца», но самый любимый фильм из детства, это «Баллада о солдате» Чухрая - гениальный фильм.

- Дальше надо было образовываться. Стенгазету рисовали в школе, наверное, с первого по последний класс?

- Да, конечно. Лет в двенадцать любят природу рисовать, как Гуркин Григорий Иванович. Я в то время не природу рисовал, я любил рисовать людей.

Семья Торбоковых

Торбоков рассказывает про яблоки

У меня эти рисунки даже сохранились, где-то в папке лежат, нарисованные шариковой ручкой, тушью, пером, простым карандашом. Я сажал на стульчик братьев и сестёр, маму и папу, и заставлял их позировать. Дети капризничали, они спали, а я очень строгий был, я ругался. Сейчас этого нет. Если у меня натурщик уснул, я сижу- жду, когда он проснётся. Потом, когда я уже в училище учился, я любил натюрморты писать. Естественно, мама приносила из магазина какие-то яблоки, фрукты, и нельзя их было никому трогать пока я их не нарисую. Когда я писал натюрморт в маленькой избушке, мои маленькие сестрёнки всё заглядывали и спрашивали: «Нарисовал - нет?» Всё ждали, когда я нарисую, и тогда они хватили эти яблоки и убежали.

У меня сосед был друг Саша Обрезнев, русский парнишка такой белобрысенький, он играл на гармошке и жил в маленькой избушке вместе с мамой. Он всегда играл на улице на этой гармошке и «Барыню», и современные песни. Всё подбирал на слух. Мне так нравилось, что я его попросил научить меня играть. Он говорит, как я на одной гармошке научу тебя? Скажи папе, чтоб он тебе купил гармошку, и тогда я буду тебя учить. Естественно, я пришёл к отцу и говорю, что мне нужна гармошка, хочу научиться играть. Семья большая, отец один работал, чиновником был. Он закончил партшколу в Омске и работал в райкоме партии. А жили мы тогда в деревянном двухкомнатном доме в селе Шебалино.

- Дружно жили?

- По всякому. Когда мы из алтайской деревни переехали в районный центр, мы не знали вообще русского языка. Это можно целый роман написать. Потому что, когда знаешь всего четыре слова: папа, мама, чашка, ложка.... Меня посадили в русскую школу в четвёртый класс, потому что национальная школа начиналась с пятого. Старшие братья туда попали, а мы с младшими попали как раз в русский класс.

Отец и мать Торбокова

Торбоков рассказывает про гармошку

Представьте, что нас посадили в русский класс, в котором преподаётся только на русском языке, нужно было писать диктанты.

- Как вы на вопросы отвечали?

- Я целый год сидел-молчал. Учительница полгода думала, что я немой. Хотя папа был человеком очень строгим - таким партийным, райкомовским работником, но он почему-то не сказал, что ребята не знают языка. Я полгода сидел и только глазами вращал. Учительница понимала, что я слышу, раз реагирую, но раз я молчу, то думала, что я немой. Потом через полгода, когда меня хотели оставить ниже классом, перевести в третий класс, отцу пришлось сказать. Конечно, он дома нас отругал, сказал, что мы плохо учимся. Мне пришлось просто что-то даже заучивать, не зная, о чём речь идёт. По истории подбирал короткие фразы и заучивал их наизусть, как стихотворение. Когда вылетало одно слово из головы, я стоял и молчал. Она говорит, ну, дальше! Но всё таки меня не оставили на второй год. В первом полугодии у меня пару двоек было, но четвёртый класс я заканчивал без троек.

- Про гармошку забыли досказать?

- Продолжаю про гармошку. Папа был человек очень конкретный и строгий, а мама очень мягкая, и мы больше пошли характером в мать. Брат только в отца пошёл. Естественно, отец один зарабатывал. Детские пособия были очень маленькие, мама домохозяйка, зарплату приносил один отец. Это было около ста десяти рублей. Когда я попросил гармошку, он ничего не сказал. Потом, где-то через месяц он притащил огромный чёрный футляр. Вот, говорит, вам гармошка. Я так обрадовался! А это оказалась не гармошка, а настоящий тульский баян - он стоил где-то около ста двадцати рублей. По тем временам очень дорогой был. Он, оказывается, копил деньги и купил баян. Мы говорим: «Это же гармошка!» Он только сказал: «Никакой сельской самодеятельности!»

Торбоков с матерью

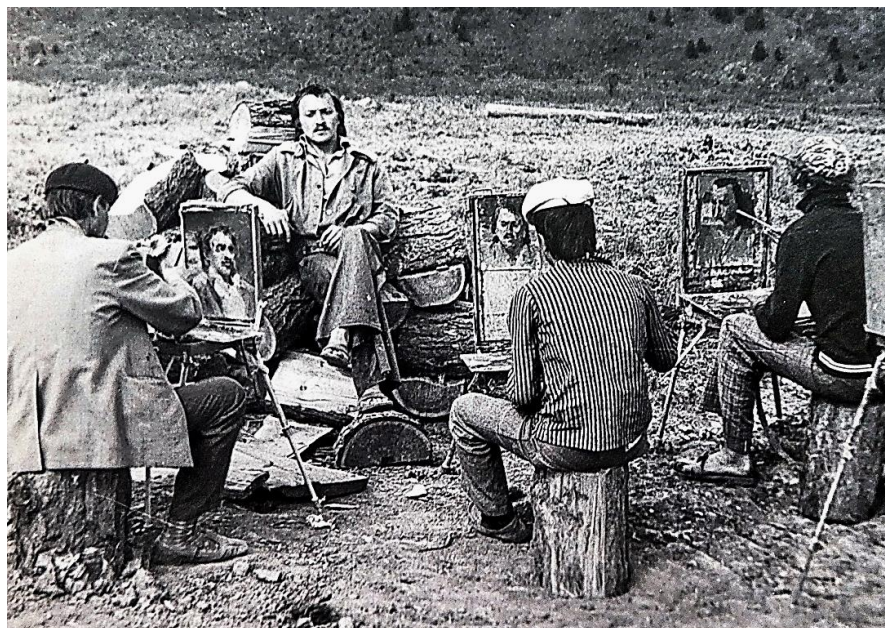
Торбоков рассказывает о музыкальной школе

Вы все пойдёте учиться в музыкальную школу. О, думаю: «Вот попали! Эта школа, теперь ещё другая школа!»

В музыкальной школе, когда детей из одной семьи побольше, то делаются скидки - четвёртый или пятый ребёнок может бесплатно учиться. Он нас просто оптом отправил в музыкальную школу, в которую мы вообще не собирались. Помню, начались вступительные экзамены, а у нас ни каких музыкальных данных нет. Помню, с Украины приехал очень интеллигентный, очень высокий под два метра человек - Цвилик Василий Васильевич. Очень интеллигентный, такой фанат классического искусства. Он ставил моего брата у пианино, показывал - одну ноту. Нажимает и говорит: «Сколько нот?» Брат говорит - один, потом, два. А мы стоим сзади и показываем «два», «три». Таким образом нас всех приняли, и я закончил, получил свидетельство. Когда учился, я, естественно, влюбился в музыку, хотел стать музыкантом, перечитал все монографии о всех музыкантах. Самый любимый для меня это Бетховен. Он самый талантливый. Потом Моцарт, дальше Бах идёт. Все друзья моего детства это все ребята с музыкальной школы. Я благодарен отцу, что он отдал нас в музыкальную школу. Я не стал музыкантом, но любовь, понимание классической музыки осталась. Иногда я на компьютере я люблю прослушивать фортепиано, скрипку, выступления великих артистов. Я мог стать музыкантом, потому что мой учитель музыки хотел, чтобы я пошёл учиться в музыкальное училище, он и готовил меня туда. В четвертом классе он мне давал произведения первого курса музыкального училища. Как-то приехал с абаканского училища преподаватель, профессор. Он ездил по национальным округам и набирал учеников. Один раз он мне говорит: «Я сейчас выйду в коридор, дверь будет открыта, а ты возьми баян и русскую песню «Позарастали стёжки-дорожки» во всю мощь сыграй. Сыграй так, как будто ты на концерте».

«Я художником хочу быть...»

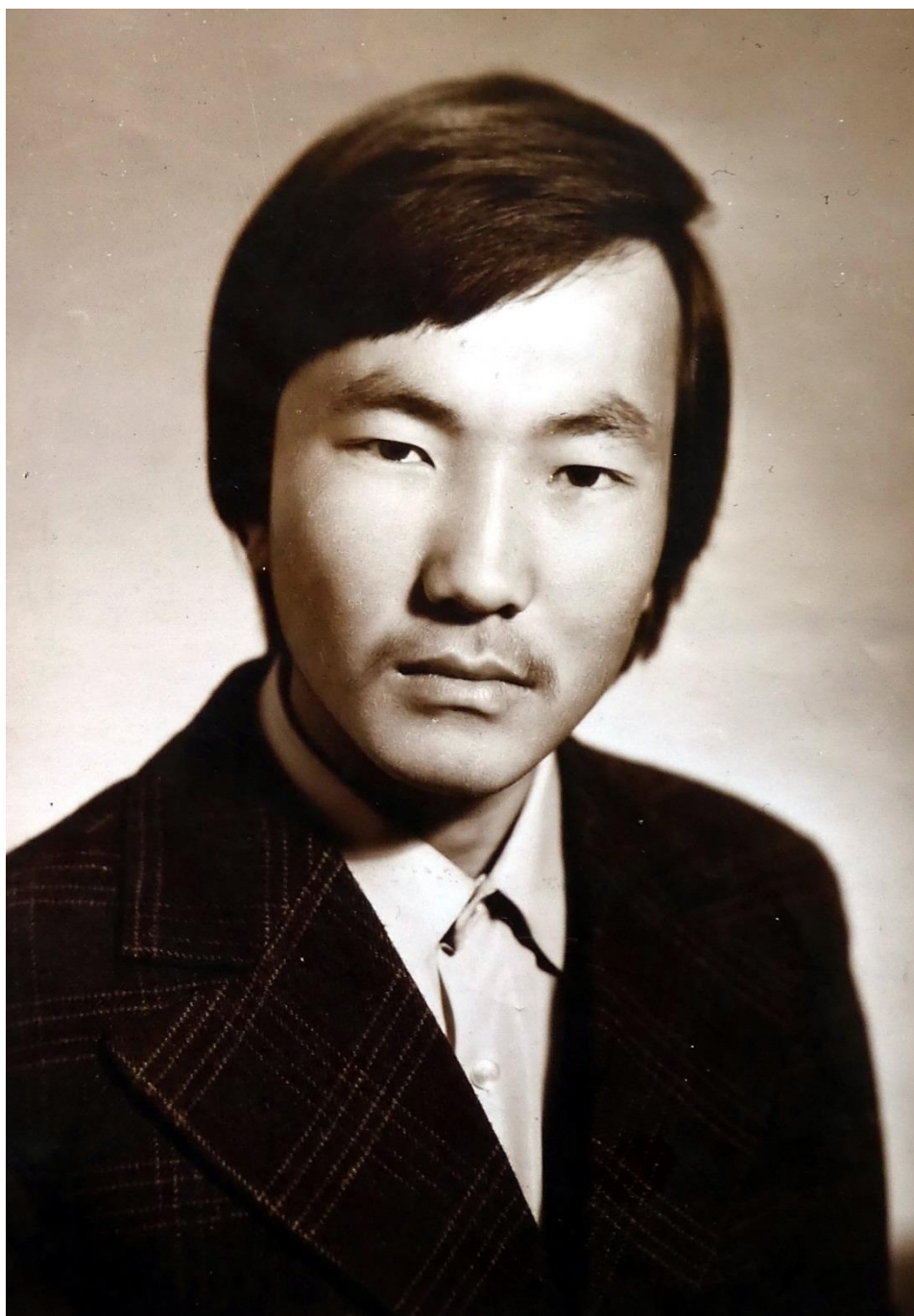
На пленэре

Естественно, мы постоянно были участниками сельских концертов, праздников. Люди нас не любили. Особенно молодёжь. Они хотели эстраду. А мы на любом празднике, в День Победы, скажем, всегда выходили на сцену и играли такие классические народные песни. Очень волновались. И вот он мне говорит: «Сыграй как на концерте, а я выйду в коридор, но только громко играйте». Ну, ладно, хорошо. Я сыграл. Помню, он забежал, меня поцеловал, обнял, говорит: «Молодец! Очень хорошо сыграл!» Ещё сказал, что на прослушивании сидел профессор абаканского музыкального училища. Он сказал, что твоя игра ему очень понравилась, считай, что ты студент училища.

Я уже собирался быть художником. Уже перечитал всё. Раньше же все в библиотеку ходили. Я всё перечитал, и даже грех на душу взял, какие-то репродукции из альбомов вырывал, чтобы потом у себя хранить и смотреть. Так что я не одну книгу попортил. Там была гладкая такая бумага, мелованная. С одной стороны чистая, на ней можно было рисовать. Мне казалось, что это лучшая бумага в мире. Мне стыдно, конечно, что я каких-то великих художников вырвал.

Поэтому я говорю: «А я не поеду в музыкальное училище! Я художником хочу быть». Он говорит: «А ты чо, рисуешь что ли?» «Ну, да». Он говорит: «Зачем художник?» Я говорю : «У меня слуха нету. Я диктанты плохо пишу». «Но ты же слышишь фальшивые ноты?» «Это все слышат». « Ты будешь исполнителем, а слух со временем сформируется, главное у тебя есть техника. Ты будешь в оркестре играть! Будешь во фраке ходить, в белой рубашке! А художники! Ты же их видел...»

У нас недалеко от музыкальной школы была художественная оформительская мастерская. Естественно, они ходили там в халатах, испачканные краской, в тапочках, в галошах, иногда, конечно, ребята были в нетрезвом виде.

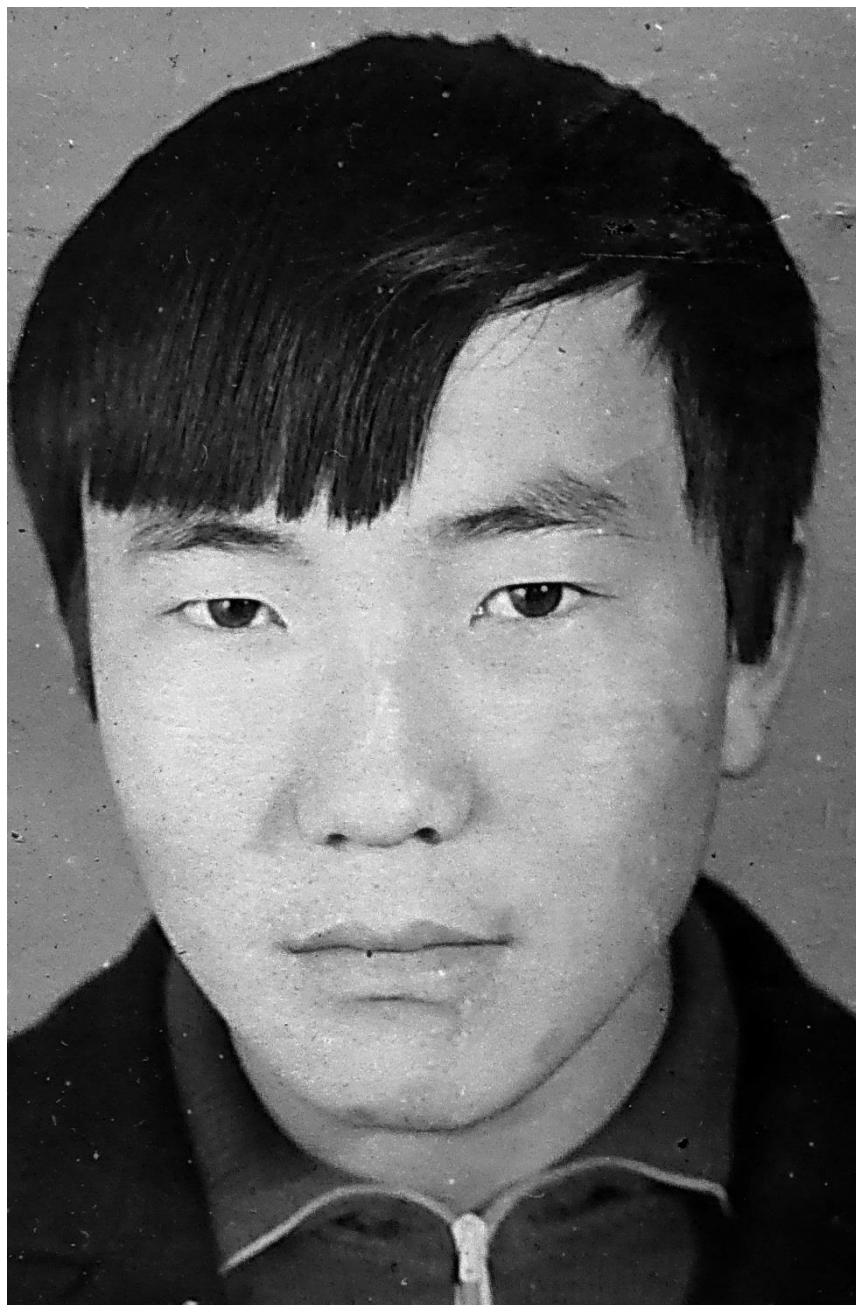

Я, деревенский парень предстал перед комиссией

Я работал потом в этой мастерской, знаю. Он продолжал уговаривать: «Вот сейчас пойдёшь домой - посмотри как вот этот художник рисует плакат, он на лестнице стоит. Посмотри, как он выглядит, он весь в краске, испачканный, грязный. А ты будешь музыкантом, ты каждый вечер будешь выходить нарядный, будешь людям радость давать!»

Этот же педагог по музыке мне помог поступить в художественную школу. Сказал, что где-то под Барнаулом есть Алтайская станция и там открылась какая-то художественная школа. Отец повёз меня в это училище. Первый раз в жизни я видел поезд. В поезде я лежал пластом, потому что меня всего укачало. Я помню до сих пор, что у меня был чемодан картонный с металлическими углами, замочек не работал и он был перевязан верёвкой. В нём была моя парадная одежда. Потом у меня были очень длинные волосы до плеч. Сейчас то у меня, слава богу, ничего нет - расчёска не нужна. А тогда по плечи были длинные, густые волосы и чёлка. На костюме у родителей денег не было, и они купили мне пиджак, но каким-то образом умудрились купить пиджак 48 размера, второго роста. А я был очень худой тогда, я вообще весил 50 килограмм, худощавый был такой. И вот этот пиджак бордового цвета в мелкую клеточку, похожий на пиджак клоуна цирка больше, он был большой и у меня торчали только кончики пальцев. Он был как пальто осеннее. А брюки были дудки, короткие чёрные такие. А на ногах были сандалики такие, туфлей у меня не было. В таких дети ходят, такие маленькие сандалики, охристые, жёлтые, с такими дырочками и замочком металлическим. Они не видели крема и были такими сморщенными, согнутыми вверх и потрескавшимися. Какие-то носки были и рубашка была, тогда нейлон появился, такая нейлоновая голубенькая рубашка была.

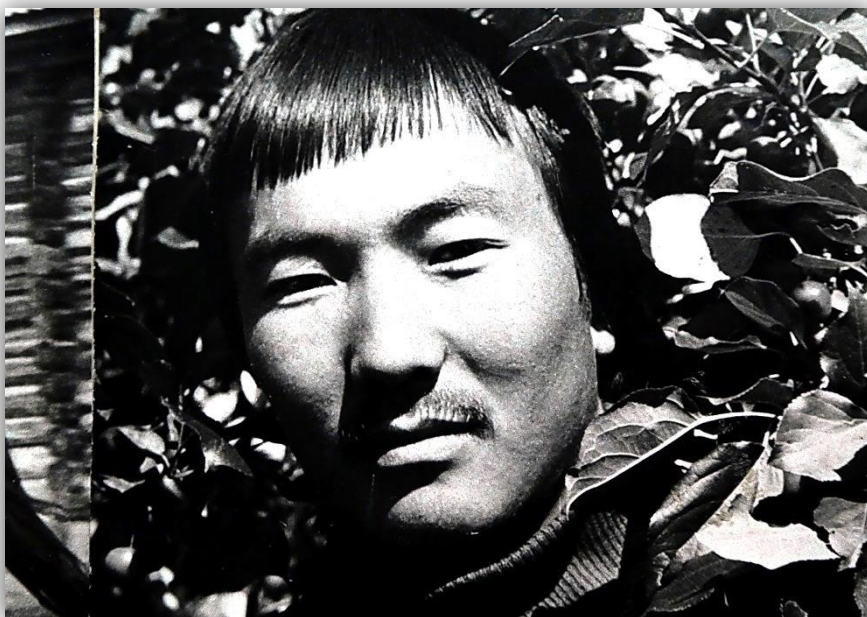
Я, деревенский парень предстал перед комиссией.

Уходите! Чего стоите? Не мешайте!

Я с этим чемоданом появился перед комиссией. Художники молча просто посмотрели мои работы, а директор был чертёжник, он очень строгий был человек, не любил хулиганов. Он сразу увидел во мне проблему. Я смотрел на него из под чёлки. Я был очень стеснительный, сразу краснел. Я смотрел на него одним глазом, а ему казалось что из подлобья, а я просто стеснялся. Когда я только появился с этим чемоданом на пороге, он сразу меня невзлюбил. У меня все работы были на тетрадках в клеточку и в полосочку. Какие-то были написаны акварелью, а какие-то гуашью, они были альбомного размера. Работ было много, около ста. Я все раскладывал, а педагоги сидели и молчали. И директор говорит: «Собирайтесь и уходите! Очень слабо, это не годится». А я думаю - как не годится?! Я сюда приехал, я чуть не умер в поезде, меня укачало в поезде, я ничего не ел, я весь бледный, замученный! И вообще я не спал! Я помню, как переговаривались диспетчеры, запах солярки... У меня до сих пор остался запах чего-то горелого, резины и чего-то сладкого...

И вообще не завтракал, не спал и появился в таком виде, и вдруг с первой минуты мне говорит - всё, до свидания! Как это? Я тупо встал и стою как вкопанный. Педагоги сидят и молчат. Директор командует: «Так, следующий, заходите!». Я чуть в сторонку отступил от двери. Заходит девочка - шесть работ на полуватманах, натюрморты, гипсовые маски – видно, что это постановки художественной школы. Директор говорит: «Молодец. Вот человек, сразу видно - талант! Подготовлена. Всё, идите, готовьтесь к экзаменам» Я тупо стою. «Что стоите? Идите. Не мешайте!» Я тупо стою. И тут один педагог забыл фамилию, он приехал с Иваново, такой плотный с бородой мужчина говорит: «Давайте, всё таки его допустим, у него есть способности, у него нет образования, подготовки, но видно что он рисует, он видит, у него портреты, зарисовки».

Студент Торбоков

Художник Александр Кузнецов

Хорошо, что отец меня привёз за пару недель до экзаменов и было время немного подготовиться. Директор тогда говорит: «Достали уже! Идите, готовьтесь!» Я быстро всё собрал и быстро побежал в общежитие, очень оно большое было, много ребят из деревень приехало. Хорошо, что приехали ребята второкурсники: Серёжа Погадаев, Толя Агапкин. Потом я с ними подружился. Они приехали со стройотряда с надписями на куртках, модные такие. Они нам помогали, они нам ставили постановки, натюрморты. они нам подсказывали, как делать. У меня хорошая была закалка, когда я в русскую школу попал, мне пришлось же корпеть, чтобы русский язык в течение года выучить, умудриться и историю, и литературу, и стихи, и диктанты писать.

Самое смешное, когда я в этой школе сидел в 4 классе, меня на первой парте посадили с двоечницей, я помню, Ниной Красковой, такой рыжей девочкой. Она была конопатая, нос картошкой, такая некрасивая, но что мне нравилось, мы же ручками писали, а чистописание мой любимый предмет был, она очень красиво писала. Естественно, я у неё списывал всегда диктанты. Были промокашки. Она замечала, что я списываю. И она этой промокашкой закрывалась. В общем, по диктанту ей ставили двойку, а мне единицу. Такая закалка мне очень пригодилась. Я быстро реагировал. За две недели я умудрился и натюрморты освоить, штрихи освоить, я туда-сюда во все глаза смотрел смотрел. Вот мне удалось попасть с первого раза в художественное училище.

Потом я поехал в Москву поступать в суриковское училище. Там ребята поступали по 5, 6, 7 лет. Я там встретился с Сашей Кузнецовым из Барнаула, он закончил нашу художественную школу в Барнауле и училище в Новоалтайске и потом пять лет поступал в Суриковское. Когда мы встретились на пороге Суриковского он говорит: «Ну, ничо, раз пять поездишь... поступишь».

Художник Дмитрий Мочальский

Картины Дмитрия Мочальского о целине

Я говорю, что не собираюсь пять лет ездить. И в училище я тоже так думал - если не поступлю, то больше не приеду. У меня бы не хватило такого упорства. А он ещё был женат, и у него был ребёнок, и мы с ним поступили в один год, только он на пятый раз. Потом вместе жили в одной комнате. Сейчас Саша Кузнецов профессор Суриковского института. Он после института остался в ассистентуре и 30 лет преподаёт живопись.

- Кто известных художников у вас ходили в преподавателях в Суриковском?

- Я застал, слава богу, выдающихся художников, русских, российских. Я застал ещё Цыплакова, классика. Но я учился в мастерской у Мочальского Дмитрия Константиновича, это мой профессор.

- У вас мастерские были?

- Да. Первые два года учатся в разных мастерских, а после второго курса идут наборы в творческие мастерские, это считается творческая мастерская какого-то известного художника, у него учатся в этой мастерской 3, 4, 5 курс. Это считается творческая мастерская профессора. Мочальский несколько десятков лет тоже классик, у него серия целинная известная. Это лучший художник который писал о целине, его работы находились в Третьяковской галерее. Его работы вы видели, наверное, это «Ухажеры», «Новосёлы».

В институте, в принципе особо не учат. Он ставит постановку, что-то рассказывает, появляется редко, он в неделю где-то один раз приходит. Он, конечно, притрагивался, но он обычно портил работы, замазывал большим пальцем - «Надо сильнее делать!» У него очень большой палец был, и он просто глаза тыкал им. Если ты там драпировку, складки все прописал, он возьмёт большую кисть и всё замажет: «Надо обобщённо!»

Художник Таир Салахов

Художник Илья Глазунов

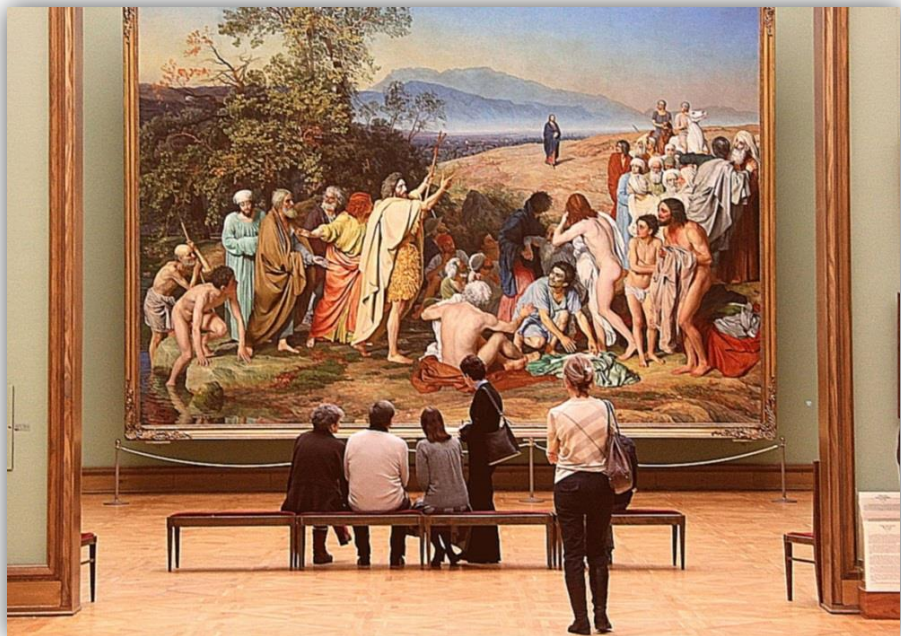
Некоторые девушки, которые на оценку учились, делали очень хитро. Когда Мочальский всё замазывал, они брали тряпочку с растворителем, когда он уходил, и все это аккуратно убрали.

- Ещё какие преподаватели?

- Самая модная мастерская была, куда шли все дети художников, блатные- это мастерская Таира Салахова. Она была такая авангардная. У Цыплакова была старая академия. Там даже натурщики носили прически под горшок. У него висели репродукции на стене, скажем Рябушкина. А у Таира Салахова были более современные. Туда шли дети такие, ну, естественно дочка Айтан Салахова, мы с ней были на одном курсе. Сейчас она известная личность в Москве, высший свет, а тогда она была совсем девочка. Там же учился сын кинорежиссёра Митты. Все дети артистов, кинорежиссёров. Там учился Якут такой, его родители были руководителями какого-то художественного театра. Естественно мы туда не шли, мы шли к Мочальскому. А у Мочальского была живопись такая импрессионистическая. Более демократичная. Если у Цыплакова такая русская школа. Но когда я поступал, я подавал заявление в мастерскую Ильи Глазунова, он открыл тогда мастерскую портрета и делал набор. Я знал кто это такой. Я хотел быть портретистом, я и сейчас люблю портреты, вообще меня считают здесь портретистом больше. Я написал заявление, и потом, когда я сдал все экзамены очень хорошо, из шести специальных предметов (рисунок, натюрморт и т.д.) я получил четыре четвёрки и две пятёрки. Историю сдал на четыре, я не стал диктант писать, написал сочинение, потому что в школе любил сочинения писать. Я, как национальный кадр мог писать диктант или изложение, но я выбрал сочинение и написал его на четыре. Троек не было. Я поступил. Когда я пошёл на собеседование, тут прибегает бабушка с отдела кадров, искажая фамилию говорит:

В мастерской суриковского института

В Третьяковской галерее

«Кто такой Торобоков?» Я стою в очереди и говорю: «Это я, наверное». «А почему вы написали национальность алтаец?» «Так у меня национальность такая». «Нет такой национальности». «У меня в паспорте написано».

Очень известный сейчас график, один из лучших иллюстраторов, москвич Денис Гордеев, он оказывается был в экспедиции в Горном Алтае на Пазырыкских курганах. Он вышел, маленький такой, как пионер и говорит: «Я знаю! Есть алтайцы!» Потом я говорю: «Может мне паспорт принести из общежития?» «Нет, я и так вижу!» Молча ушла.

Потом оказалось, что меня нет в списках мастерской Глазунова. Саша Кузнецов сказал мне, он же продвинутый: «Глазунов тебя никогда не возьмёт к себе!». Я говорю: «Почему?» «Потому что ты не русский!» «А причём здесь русский - нерусский?» Оказалось, действительно, Илья Глазунов не берёт себе в мастерскую...

- Евреев?

- Нет, у него евреи учились. Иностранцев не берёт. Может он не разобрался, у него евреи учились, но с русскими фамилиями. Меня не взяли, я, естественно, очень обиделся.

Когда я учился на четвёртом курсе, есть там по программе копейная практика, мы целый год занимались копиями в Третьяковской галерее. Моя любимая старая Третьяковская галерея, новая мне не очень нравится, она современная, а старая часть третьяковки наиболее уютная. Картины близко друг к другу висят, такая домашняя обстановка наверное ближе Третьякову была. У нас была копейная практика в понедельник, вторник, когда музей закрыт для посетителей. Бабушки все уходили, нас оставляли, и такая благодать была, когда ты просто шёл по залам Третьяковки - Сурикова «Морозова», напротив «Утро Стрелецкой казни». Можно было даже подойти и чуть-чуть потрогать, и понюхать, камер то не было. Крамского «Незнакомка», Саврасова «Грачи прилетели».

«Сватовство майора». Художник Павел Федотов

Друзья и подруги

А дальше Врубель, «Три богатыря» Васнецова, потом огромное, грандиозное «Явление Христа народу» Иванова, его этюды, а дальше как-то скромно преподносили Брюллова... Самый мой любимый художник – Карл Брюллов.

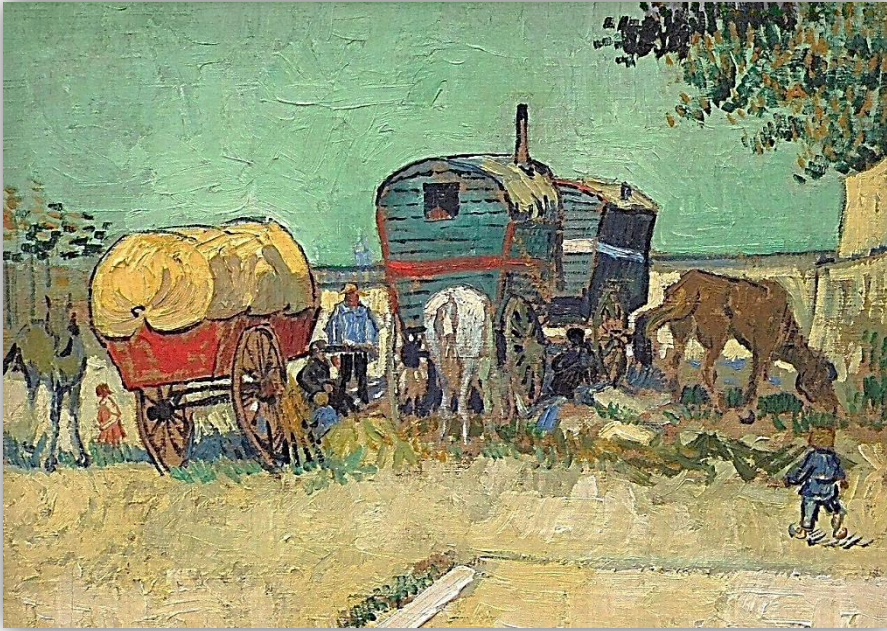
Один из моих самых любимых трагических художников Павел Федотов, ему дали вообще маленький кусочек от прохода после Иванова, а тут «Сватовство майора висит». И крохотная такая работа «Анкор, еще Анкор» - это как кино, как спектакль. Когда я смотрю на эту картину, я так её чувствую - у меня аж сердце сжимается. Такая тоска в этой работе, эта скатерть красная, свеча горит и окно крестом. И как переданы сумерки на улице зимней. Такое одиночество. Это офицер, собачка, и какое-то привидение, такая среда, аж в ушах звенит от этой тишины. Как это умудриться передать это в работе с ладошку. И все у него работы «Сватовство майора», «Свежий кавалер», «Вдовушка», пять шесть работ всего... А работа «Игроки»! Это работа вне времени! Этот художник на столетия опередил эпоху, время и погиб.

- Я студентам постоянно говорю. Картину надо не только смотреть, её надо читать. В своё время наш великий Ломоносов говорил о том, что когда мы смотрим на картину, мы смотрим сюжет, но тот кто обладает чувством видеть как расположены краски, игру света и цвета, тот двойственное увеселение получает.

- Когда я вёл студию вечернюю, женщины рисовали в течение месяца каждый день...

- И постепенно с ума сходили?

- Они рисовали, а я рассказывал про Париж, Парижскую Коммуну, про Перу. Из всех художников мне ближе почему-то Ван Гог, я его чувствую. Мне нравится Гоген, но он немножко отстранённый, а вот Ван Гога я чувствую нутром. Когда я смотрю его работы, я даже представляю, как он писал. У него есть работа, я увидел её в журнале.

«Цыганский табор с фургонами». Художник Ван Гог

«Огоньки и снег». Фото Ю. Светлакова

Там такое поле знойное и стоят цыганские кибитки, пара покосившихся. И такая выжженная трава, и такие цыганёнки силуэтами. Как он передал этот знойной ультрамариновое небо, я чувствую кожей. Я бы никогда не смог такое небо нарисовать.

Я бы смягчил его. Но ему настолько удалось передать этот зной, чуть ли не 40-50 градусов жары, когда цыгане остановились... я просто чувствую, как этот Ван Гог стоял там рядом, и как он писал этот этюд, как он разговаривал с этими цыганами. Когда я вижу вангоговские работы, я ощущаю реально состояние пшеничного поля, и мне настолько его жалко... Это его болезненное состояние, его психоз, галлюцинации. Я его чувствую как человека.

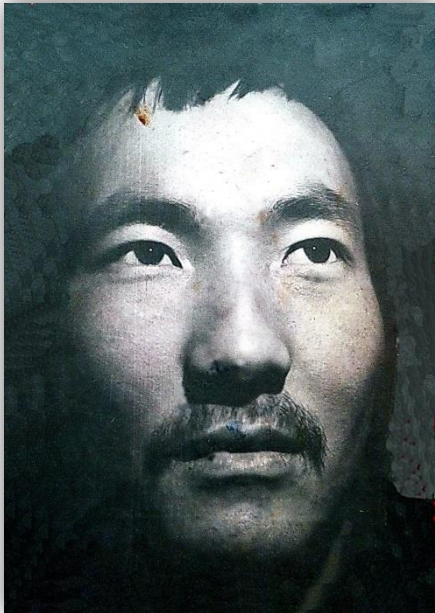
В суриковском училище мы учились друг у друга. Все мы что-то придумывали, и кто-то сказал что надо писать цветы, они как бы очищают от грязи в живописи, и сам очищаешься. Мы же здесь живем среди цветов. Их невозможно не писать. Особенно предгорья Алтая, когда они усыпаны цветами, когда всё оранжевое, всё синее. Цветы настолько божественные создания, такие вселенские, они всегда гармоничны. На поляне ты никогда не увидишь диссонанса цветового, чтобы какие-то цветы не сочетались. Одни цветы отцветают, огоньки, колокольчики, потом жёлтые появляются. Они друг друга дополняют. В природе цветов такая гармония, что там нет несочетания, природа так устроила - одни отходят, другие появляются.

- Для вас счастье, что это такое?

- С одной стороны, я человек неконструктивный. Я как бы плыву по течению, я особо не заморачиваюсь. И поэтому и личная жизнь моя, наверное, в какой то мере не сложилась. Потому что я к своей судьбе отнёсся как бы несерьёзно, я плыл по течению, куда ветер дунет, как смог, так и жизнь прожил.

Московский художественный институт им. В. Сурикова

Вячеслав Горбоков и его учителя

Самое главное для меня в этой жизни две вещи - это искусство и родственники, мои близкие. Ещё дети, которых я учу. Я не стремлюсь удивить, покорить, прославиться. У меня же была возможность остаться в Москве. Мой любимый профессор мне предложил остаться в ассистентуре. Но там шла битва, всякие были моменты.

Когда я делал дипломную работу, он зашёл и говорит: «Слушай, ты не хочешь остаться в Москве? Я бы тебя взял к себе» Я сразу говорю: «Нет! Нет! Я не могу, такой город большой, шумный, мне домой надо ехать». Он говорит: «Ну, жаль!» Ну, если бы я был русским человеком, может быть я и остался, это же русский город. А мне надо к себе ехать домой. Преподавать в институте, это такая ответственность. «Ну, если будут какие проблемы, ты мне пиши».

Я нисколько не жалею, что меня Илья Сергеевич к себе не взял, может и к лучшему это. Я нисколько не жалею, что я уехал из Москвы. Я там действительно, не выжил бы. Было здесь тяжело, никто не дал мне ни квартиры, ни общежития, никакого земельного участка. Это всё я обрёл, когда мне пошёл шестой десяток. Я жил в коммуналках, у родственников, и крышу над головой, дом обрёл, когда шестой десяток пошёл. Конечно, можно было иметь сильный характер, стержень, но я по своему характеру люблю комфорт, чтобы мне всё было удобно, и мастерская, и кровать и покушать. Хотя на меня возлагали большие надежды. И сейчас, когда через интернет мы общаемся со всеми друзьями с Суриковского института, кто-то перезванивает и говорит: «Слава, ты у нас такой был! Лучший рисовальщик!» Я думаю, неужели про меня говорит? «Ты, наверное, сейчас весь такой супер-супер!» Я говорю: «Да нет. Я живу, мне нравится по настроению. Хочу - работаю, хочу не работаю. Хочу, пойду на демонстрацию защищать сосновый бор, поеду провести какой-то конкурс детского рисунка, поучаствовать в жюри».

«И мой «сурок» со мною...» Сурок – суриковский институт

У меня нет такого фанатизма по работе, хотя годы идут, потом и зрение начнёт страдать, надо чего-то делать - успевать, годы идут. Вся надежда на большую мастерскую. А самое главное, что у меня есть идеи, замыслы. Где-то чего-то я уже пробовал. У меня есть что сказать, и как сказать. Здесь я не могу пока разбежаться.

Если я тут начну мазать, матушка задохнётся просто. Запах растворителя, это мой любимый запах. Даже когда я сплю, мне приятен запах лака, краски. Зимой, когда я раскрываю холст, мне приходится на мороз его выносить, потому что такой запах, не каждый выдержит. И поэтому, когда будет большая студия, я там немножко размахнусь. Я раньше мечтал, что вот выйду на пенсию и там начну писать.

- Счастливый вы человек?

- Да. Сейчас да, потому что сейчас судьба ко мне благосклонна, господь меня не оставляет. О чём я мечтаю, у меня всегда получается. Мне удалось закончить художественное училище, я жил шесть лет в Москве, это несбыточная мечта для многих. Я учился в международном институте имени Сурикова, и имел возможность шесть лет посещать выставки, Третьяковскую галерею, Пушкинский музей. Я мог в Питер ездить, бывать в Эрмитаже, видеть выдающихся художников. И последнее, конечно, это то, что мне удалось поселиться в таком райском уголке как Аскатская долина на берегу реки Катунь. В общем, у меня в данный момент счастливый период.

Фотографии Юрия Светлакова

Село Аскат

Утро

Гроза

После дождя

Портреты Художника Вячеслава Торбокова

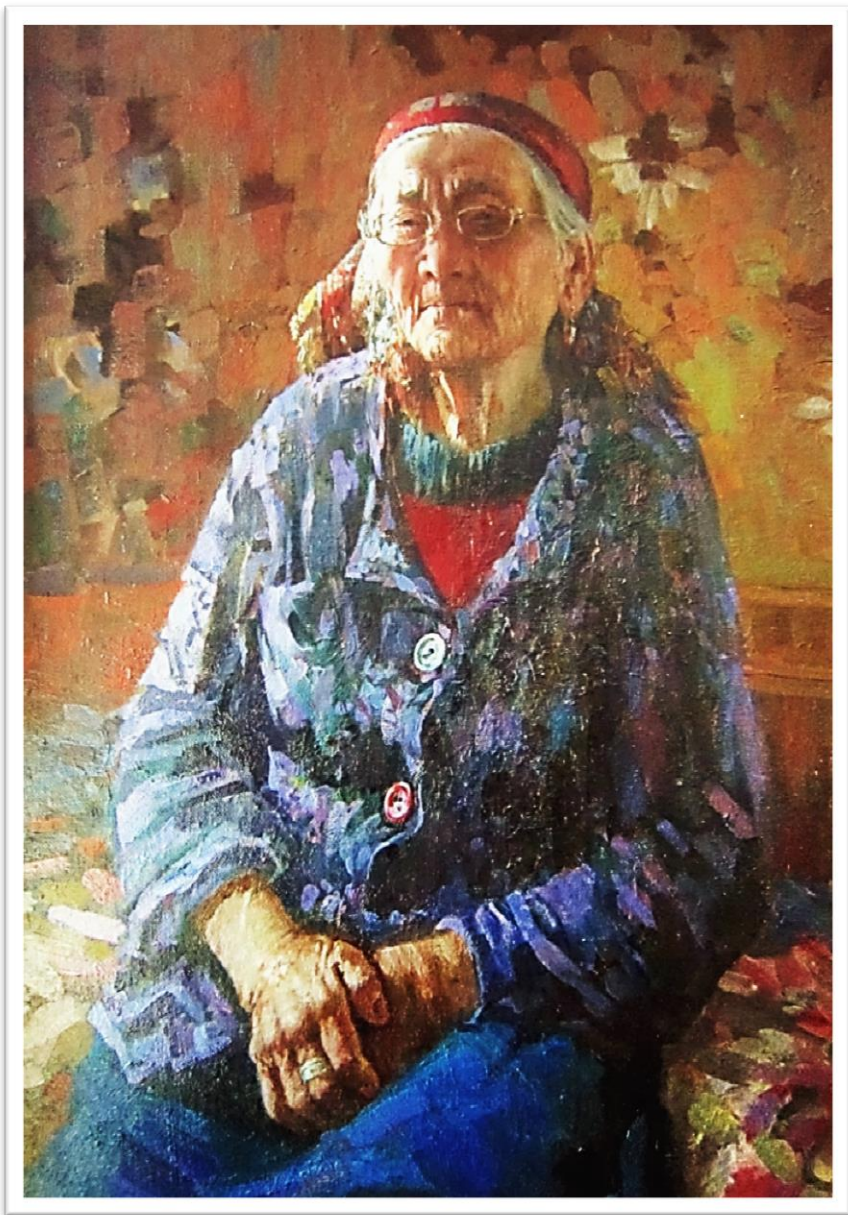
Алтайка в национальном костюме

Г.И. Чорос-Гуркин

Кайчи

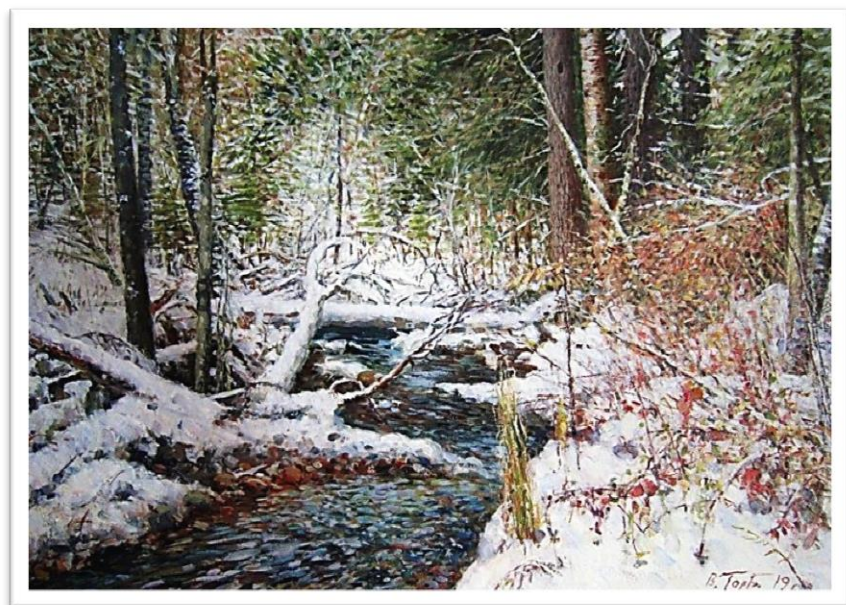

Портрет матери. 2019

Пейзажи художника Вячеслава Торбокова

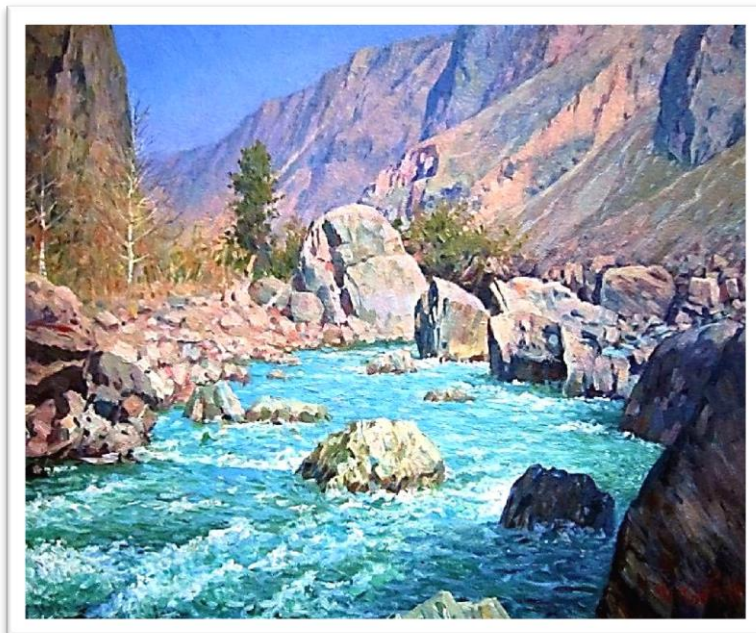
Весна в Аскате

Зимняя речка

Бурный поток

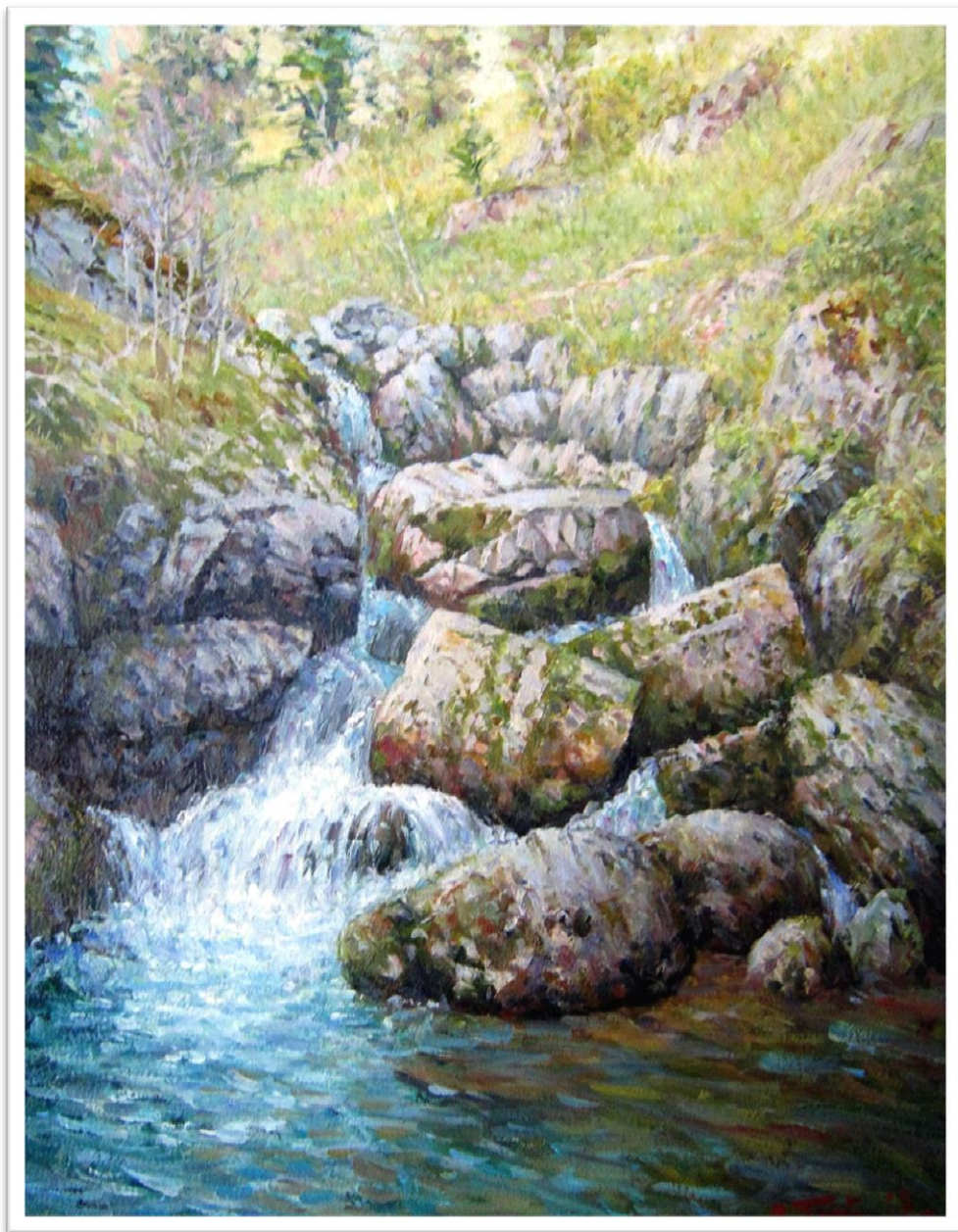
Река в горах

Вечер на Ак-Кеме

Водопад у озера

Река в горах

Натюрморты художника Вячеслава Торбокова

Сирень

Астры и яблоки

Букет

Букет. 2018

Клубника

Космеи

Пионы

Тюльпаны

Сирень

Ромашки

В конце лета

Отдых у дороги

Мальвы. 2015

Весенний натюрморт

КИНООПЕРАТОР И ХУДОЖНИК

Впечатление от просмотра работ Вячеслава Торбокова

*Одно изображение стоит
больше десяти тысяч слов.*

Китайская поговорка

Вы только что посмотрели репродукции живописных картин Торбокова. Поучили ли «двойственное увеселение»?

Какие мысли посетили меня во время съёмок?

Я не буду садиться на искусствоведческого коня – убаюкивать вас рассказами о композиции, о колорите и т. д. Это как бы само собой разумеется. Попробую сравнить работу кинооператора и художника. Кто-то из режиссёров сказал: «Работа оператора должна быть незаметной». Это когда на экране ничего не видно? Я согласен, особенно при съёмке документального фильма, оператору надобно носить «шапку невидимку», не отвекать героя установкой света, хлопушкой, камерой и т.д. Но при этом изображение должно быть видимым. Мой Учитель Анатолий Дмитриевич Головня часто повторял: «Дэточки, снимать надо резко». Мне же важно сказать, что профессии художника и кинооператора родственны. Любовь к живописи мне привили во время обучения во ВГИКе. У нас были удивительные Учителя. Одна Паола Дмитриевна Волкова чего стоит! Посмотрите её книги и фильмы «Мост через бездну». Мы учились операторскому мастерству на живописных примерах наших и заморских художников.

Я специально распределил картины Торбокова по жанрам: портреты, пейзажи, натюрморты. Правда, у него есть некоторые работы с перепутанными манерами письма, например «Весенний натюрморт», или «В конце лета», где в пейзаж вплетины натюрморты.

Если внимательно смотреть портреты, то знания скрываются не только в национальных костюмах, но и в деталях. Картины надо не только смотреть, но и внимательно рассматривать, я бы добавил слово «прочитывать». Тогда всякий раз ты будешь открывать её, как книгу, заново.

Как оператор использует опыт художников в своей работе по передаче света, цвета, построения кадра?

Иногда просто прямым повторением, чаще накопленным опытом от общения с культурой, неважно, откуда взятым - из прослушивания музыки, от театральной постановки или фильма, от просмотренных работ художника.

На этот раз, посмотрев некоторые работы Торбокова, увидел параллель между его картинами и своими фотографиями. Наглое заявление, но, что было, то было.

Возьмём торбоковскую картину «Тёмная аллея» и много лет назад снятая в этом же месте мою карточку.

«Тёмная аллея»

«Аллея в Аскате»

У меня это просто аллея, которую уже всю вырубил, ни тревоги, ни радости не вызывает. У Торбокова, помещённая в центре одинокая, размытая фигура с бодажком, напомнила мне Веру Басаргину из этого села Аскат с одной стороны. С другой,- о зыбкости бытия усиливают впечатление «уходящей природы» корявые стволы деревьев.

Другая картина Торбокова «Зимний пейзаж» и моя фотография «У колодца».

Сравните сами, ибо сказано «Мир каждый видит в облике ином. И каждый прав, так много смысла в нём».

Я тоже люблю снимать цветы, но торбоковские воспринимаются, как бы правильное сказать: вызывают осознанную радость, восхищение... Вероятно, лучше сказать - очарование.

Натюрморт в кино для меня не «мёртвая натура» как иногда переводят это слово, а «живая натура» которая составленная из предметов рассказывает о герое больше, чем если бы был снят его крупный план, который считают «подкожным театром».

Как живописный портрет может помочь создать характер киногероя? Неподготовленному зрителю трудно понять, например, фильм «Зеркало», не говоря уже о «Гражданине Кейне». Об этом писал Тарковский в своём дневнике:

«Конечно, непонятно массе, привыкшей к киношке и не умеющей читать книг, слушать музыку, глядеть живопись».

Зритель не знает стихов и музыку звучащую в фильме, чья картина висит на стене. Много из увиденного, он просто не может прочесть. Для художника важно ответное ЭХО зрителя. Иначе зачем всё это творчество.

Я часто слышу от профессиональных операторов и художников, что ныне напрочь забыли зрительную культуру.

Такие понятия как «композиция», «свет», «колорит», не говоря уже о «золотом сечении» забыты. Клиповый монтаж приучил зрителей к клиповому восприятию.

Что произошло, попробуем разобраться...

Твёрдо знаю, что те, которые не читают книг, не понимают живопись, смотрят всякую ерунду по телевизору, приученные самой жизнью к пассивному, поверхностному восприятию не будут смотреть документальные фильмы, ни картины, ни выставки.

Автор документального кино не слышит крики «Браво!», из зала ему не летят ни цветы, ни тухлые помидоры.

Автор - невидимка. В редчайших случаях зритель видит его во время творческой встречи.

С другой стороны... Надо обучать зрителей визуальной культуре с детства. А то, что получается?

За 100 лет нас уже приучили к языку кино, иначе бы происходило так, как с тем папуасом, которого привезли из Африки в Париж и решили показать ему кино. Он испытал ужас от увиденного на экране. Перед его взором появлялись: отдельно голова, отдельно руки, ноги и другие части тела. Такого четвертования человека он, бедняга, вынести не мог и сбежал. Слава богу, у зрителя пока не включается опознаватель - это, мол, крупный план, это средний, это общий. Он просто смотрит фильм, приёмы съёмки пока остаются за кадром. Но, этого мало.

Нас учат с детства говорить слова: «Мама, папа, блятья, сёстры, кыса, ав-ав...» Потом сложнее: «Мама мыла раму».

Нас учат радоваться стихам. Нас учат понимать прозу. Короче, нас учат языку.

В изучении языка есть всякие науки: лингвистика, семиотика. Но нас не учат «ставить глаз», как сказал художник Валентин Серов.

В изобразительной культуре общения, в умении видеть, мы брошены от рождения на произвол судьбы. В школе с 5 по 10 класс рисовали, а затем чертили один и тот же горшок на табуретке. Ни о свете, ни о цвете, ни о том как смотреть, что видеть, не было сказано ни слова.

О каком визуальном восприятии можно говорить!

Возможно, мы уже утратили единство изображения и чувства. Не все способны понимать воздействие изображения через экран. Художник и зритель живут в разных измерениях.

Разорвалась где-то цепь. В подтверждении этой мысли привожу слова автора доминантной теории Алексея Ухтомского: *«Бесценные вещи и бесценные области реального бытия проходят мимо наших ушей и наших глаз, если не подготовлены уши, чтобы слышать, и не подготовлены глаза, чтобы видеть...»*

Повторять избитые до синяков ИСТИНЫ, что надо ещё с детства учить визуальной культуре, тонет в болоте всяких экспериментов в виде ЕГЭ.

Сегодня на бедного зрителя сваливается такое количество разнообразной информации, что ему не под силу разобраться, где правая сторона, где левая. Воздействие идёт помимо его желания. Вот поэтому идёт охота на зрителя. Не следует навязывать другим то, что очевидно и естественно. Это раньше зритель сам выбирал для просмотра ту или иную передачу, составляя программу собственного восприятия. Сегодня, приученный телевидением к клиповому восприятию, зритель с трудом вырывается из объятий того же телевидения - пожирателя времени и психической энергии. Выход прост.

Один щелчок и программа выключена.

Обучать зрительной культуре почему-то не принято. Коль не слепой и так увидишь! Хотя любой школьник знает, что 90% информации из окружающего мира мы получаем посредством ЗРЕНИЯ.

Но только единицам удаётся увидеть мир во всей красе, да ещё так, как не видит никто другой. Как говорят «Божий дар» - даром даётся. Приведу простой пример. Иду осенью по лесу, вижу обыкновенную лужу, в ней плавают разноцветные листочки. Я снял лужу на фотоаппарат, напечатал карточку, показал друзьям. «Где ты увидел такую красоту! - воскликнули они - мы же были рядом с тобой и не видели». Чтобы выглядеть умным, я напомнил им известную китайскую поговорку «Один видит в луже грязь, другой - солнце». Есть другая поговорка «Смотришь в книгу, а видишь фигу».

Можно ли научить видеть окружающий мир?

Научить нельзя - научиться можно. Всё зависит от твоего желания, от твоего старания, от твоего переживания. Но многие мыслят словами. Ведь сказано «В начале было слово».

Не буду спорить, но вслед за Фаустом Гёте повторю слова «В начале мысль была».

Может быть, есть выход - обучение через Интернет?

Сегодня, в век сэлфилизации всей страны, все кому, не лень, ежедневно выставляют на всеобщее обозрение сотни фотографий и так называемых фильмов. Современная техника позволяет «щёлкать» налево – направо, авось что-нибудь да получится. Что вижу – о том и пою. Чаще всего снимают себя любимого.

Сам себе режиссёр. Сам себе оператор и зритель.

Всё это хорошо - прекрасно. Но! Не ведая о зрительной культуре, о композиции, об игре света и тени засоряется сознание зрителя. Вы заметили, что, снимая даже исключительное по значимости событие, оператор-любитель «болтает» камерой - так его приучили.

Когда в руках съёмщика была плёнка, то, вероятно от жадности, прежде чем нажать на кнопку, надо было подумать, что и как снимать.

Вначале МЫСЛЬ была. Теперь и учиться не надо – техника сама всё снимет.

По сути дела в Интернете фото и видео работы в основном обсуждают те, кто не видит, не чувствует, не понимает изображение, ещё какие-то лайки ставят. Слепой учит слепого. Помните притчу о том, как слепые судили о слоне. Изображение оценивают по принципу: нравится – не нравится.

В былые времена даже для написания текста допускались почтенные люди, они давали присягу, наподобие клятвы Гиппократова, они так и назывались - присяжные писцы.

О какой клятве можно сегодня говорить?

Ныне руководство телевидения диктует не только форму и содержание передач, но и язык - как и что снимать. Модное мотание камерой признаётся современной манерой съёмок.

Быстрая смена кадров, безостановочная фонограмма и тому подобные приёмы приводят зрителя к так называемому клиповому мышлению. Вспомните, как мы носились в музеях со скоростью паровоза от картины к другой. И я был не исключение, пока однажды не остановился. Задумался над тем, почему через короткое время уже не помню ни одной картины из увиденных в музее. Что происходит?

Мы знаем, что человек обладает инерцией зрения – посмотрите на яркий объект, затем закройте глаза – на некоторое время образ остаётся. На этой основе и появилось вначале кино, а потом и телевидение. Оказывается человек обладает ещё и инерцией мышления.

Что происходит при просмотре коротких по времени кадров? При быстрой смене одного кадра на другой наше восприятие по инерции продолжает видеть предыдущий кадр, а ему уже «всучили» следующий.

Он ещё не успел осмыслить его, как появляется следующий. Сознание отключается. Он видит бурный поток, в котором трудно что-либо рассмотреть.

Сознание носится как тот жучок - водомерка, не имея возможности ни вглубь нырнуть, ни вверх взлететь. Разрушается время и пространство.

Рваный клиповый язык пагубно воздействует на психику и поведение человека, приводит к нетерпимости и агрессии.

От нетерпимости все конфликты и в семье, и в обществе. Человек становится торопливым, потом пассивным и воспринимает всё то, что ему навязывают. Главное, человек теряет способность анализировать происходящее на экране.

Вспомните, как вы смотрите телевизор? Как пулеметчик - давите на гашетку пульта в поисках спокойной программы. Телевидение - это ловушка, где все способы хороши. Поймать рыбку (зрителя) можно не только удочкой, но и динамитом. Посмотрите, сколько на телевидение этого негативного «добра».

Ещё один момент разрушения восприятия изображения – небрежная, непрофессиональная работа оператора. Мама родная, как они только не мордуют человека! Повторю, понятие композиция, световые эффекты напрочь забыты. Современная аппаратура расслабила мозговой процесс. Оператор перестал думать на съёмках. Не снимают, а «поливают» – авось что-нибудь да получится. Кинооператор Сергей Евгеньевич Медынский говорил: «Кто неряшливо мыслит, тот неряшливо снимает».

По моему мнению, много вреда в понятии восприятия изображения приносит иногда и искусствоведческая литература, если она пишется людьми, которые сами никогда ничего не снимали. Они, по словам писателя Чапека, говорят автору как надо, если бы сами могли создавать неважно что: музыку, картину, фильм. Ох, как трудно быть независимым в своих суждениях. Вспомнилась старая пословица: «Пусть Бог покарает того, кто сам не знает, да ещё осмеливается показывать путь другим к дверям рая».

Существует не только логическое мышление, но и образное. Слово лишь условное обозначение образа – оно не несёт полной информации. Вероятно, поэтому говорят: «Слово изречённое есть ложь, а образ – истина».

Но не следует эти размышления принимать как истину в последней инстанции. Это лишь субъективная точка зрения – личное суждение о действительности. У каждого своя правда, но одни базируют своё мировоззрение на практике – другие на теории. Только личный опыт подсказывает нам «что такое хорошо, а что такое плохо». Не категорическое да или нет, истинно или ложно, а что-то между чёрным и белым, некое серое. «И напоследок я скажу...» о странностях нашего восприятия. Согласно последним исследованиям в области сознания – оно (сознание) ограничивает нас от информации реального мира. «Реального», наверно надо поставить в кавычки. Это ограничение происходит без нашего участия.

Картина, которую мы воспринимаем, возникает в нашем сознании довольно странным путём. Вначале сигнал проходит через оптическую систему глаза, по законам оптики изображается на сетчатке «вверх ногами», затем палочки – колбочки посылают сигнал посредством всяких нейронифигонов в мозг, где тот обрабатывает его: переворачивает картинку, по своему усмотрению добавляет восприятию нужное, удаляет то, что ему (мозгу) кажется ненужным. К примеру, вы видите угол дома, а представляете весь дом, который по сути дела не видите – так видит ваше сознание. И после этого человек говорит: «Я так вижу!»

Правда, можно видеть мир иначе – с завязанными глазами.

Но об этом в другое время и в другом месте.

В начале думал, что здесь и поставлю точку. Так нет, судьба распорядилась снять ещё одну часть фильма о художнике Вячеславе Торбокове.

Туман над рекой

Работа в огороде

В кадре туман над рекой. Звучит романс «Утро туманное».

Титры: **Мастерская документального кино «Свет»**

**представляет фильм Юрия Светлакова
«ХУДОЖНИК ВЯЧЕСЛАВ ТОРБОКОВ»**

Часть 3

Горный Алтай. Село Аскат. Осень 2019 года

Ведущий:

- В очередной приезд на Алтай я не собирался что либо снимать, разве что несколько фотографий, как говорят для дома, для семьи. Главная цель приезда помочь Татьяне Алексеевой выкопать картошку, собрать ягоду, скосить траву. С первого же дня приезда в Чепош было заведено рано утром, ещё до завтрака Лена и Таня выходили на берег Катуня, пили кофе, перебивали косточки родным и знакомым, наблюдали как наша собака Муха гоняет коров, чтобы потом выпросить молока. Не у коров, конечно...

Я привёз с собой несколько фотографий жителей села Чепоша и Аската, снятых в прошлый приезд, чтобы раздать их. Привёз фотографии для художника Торбокова, и ещё исправленную версию двухчастёвого фильма. Я позвонил ему, оказалось, его нет дома. Он уехал к сестре в село Барагаш расписывать в её новом доме комнату.

Вот тут-то и проснулся во мне оператор. Хорошо было бы снять, как работает художник Торбоков, и напросился на встречу. Вячеслав Сергеевич сказал, что дорога в Барагаш дальняя, вначале будет немного асфальта, а потом, от какого то села направо - щёбёнка, - это старая дорога на Усть-Кан.

Так и оказалось. Вначале ровный асфальт, а потом, повернув направо поскакали по пыльной дороге. Погода изменилась, стало пасмурно, но без дождя. По пути из-за тряски снял только несколько кадров на фото.

Титр: **Виды по пути следования.**

Окно в цветах

В доме у сестры Торбокова

Через два-три часа доехали до места. Переехали через речку Песчаную по деревянному мосту и оказались в селе Барагаш с широкими улицами, где было много зазывных лозунгов на выборы и детей.

Двор, где должен был нас ждать Торбоков нашли быстро, но никого дома не было. Как сказал потом Вячеслав Сергеевич, он не поверил что мы приедем. Пока ждали я снимал цветы во дворе, маленькую собачёнку в будке, поел черёмухи... Вскоре подъехал Торбоков на своей маленькой красной машинке.

- **Здрасьте, здрасте! А расписываете комнату здесь?**

- Нет, в новом доме.

- **Мы туда поедем?**

- Да. Я бы на вашем месте никогда в Барагаш бы не поехал. Дорога, конечно, не очень? Я в начале боялся, думал вообще дороги нету. Сейчас поувереннее вожу.

Я сел в машину Торбокова и мы поехали. Торбоков продолжал рассказывать...

- Недавно купил в магазине картину в раме, потом покажу. Там была нарисована голая женщина. Я купил её из-за рамы. Мне так неудобно было - старик покупает... Рама была немного побитая, но её можно покрасить, стоила всего 500 рублей. Если в багетную мастерскую обращаться, то эта рама обойдётся рублей в 800, как минимум, а тут в селе её никто не покупает. Она лет десять, наверное, висела.

Подъехали к дому...

- Вот такой красивый домик! Они всю жизнь в маленькой избушке ютились, а теперь размахнулись. Потом зайдём к сестре, чай попьём. Осторожно. Тут стройка идёт. Сестра всё обдумывает, тут печка с той стороны плиткой выложена. Эти перегородки все будут обшиваться. Это лестница на второй этаж. Это у неё будет гостиная, тут будет телевизор стоять. Это комната как бы отдыха. Зимой не отапливаемая, а летом здесь будет кресло стоять, можно будет сидеть.

Художник Торбоков

Эскиз росписи одной из стен

Мне очень нравится вид из окна. Солнце здесь только утром.

- В этой комнате вы и расписываете стены?

- Это трудно назвать монументальной росписью. Если помните, когда я поступал в художественное училище, я вначале поступил на оформительское отделение. Хотел на педагогическое, но на педагогическое брали один набор, а на оформительское делали два набора. Шустрые ребята подсказали куда легче попасть, куда больше народу берут. Естественно, я написал заявление на оформительское отделение. Год проучился на оформительском отделении у замечательного педагога Раменского. Я очень люблю витражи, мозаику - всё это связано с краской, цветом. После института мне приходилось подрабатывать, потому что картины-то особо не интересуют людей. Я в Горно-Алтайске делал росписи плавательного бассейна. Здесь что-то очень похоже на то, что там. Те же времена года. Там было более цветное, но примерно в таком стиле. На деньги, полученные в Горно-Алтайске я построил первый свой домик.

- Давайте вернёмся к «нашим баранам». Что здесь изображено? Какие-то абстрактные геометрические фигуры, круги, квадраты на плитах ОСП.

- Я потом пожалел, что оставил это ОСП - она очень мелко смотрится, да никак не смотрится. Сейчас я приехал и начал всё красить, решил не оставлять этого ОСП. Вначале предполагалось, что это будет просто в песочных, пастельных тонах. ОСП не должно было быть видно вообще. Теперь я добавил контраста, и решил это ОСБ полностью убрать.

- Как мне нравится, когда краска ложится - у меня аж мурашки по телу бегают. Но с другой стороны фактура красиво смотрится, как зимой узоры на окошке.

- Мне очень нравится запах краски.

- Мне тоже.

- Ты, наверное, наркоман?

Торбоков расписывает стены

Зрители

- Я от краски балдею, как кошка которая дурет от валерьянки.

- Когда я всё это сделаю, там внизу, где земля, видите стволы? Я потом на них сделаю треугольные, геометрические листочки, это у меня означает как бы тёплое время года. Это будет лето, осень, весна. А вот эта стена у меня будет зимняя. Здесь у меня будут звёзды на небе, а тут будут снежинки падать, и снегири будут сидеть на деревьях. Тоже такие треугольные иголки будут. Тут зелёное всё будет, и будут летать декоративные бабочки, с узорами на крылышках. А там стрекоза, а тут бурундук будет бежать.

Когда я прошлый раз приехал, тут за огородом ходили журавли. Уже который год, оказывается, эти два журавля останавливаются здесь. У моей старшей сестры есть дочь Алтысай - красавица, у неё есть дочка маленькая и она частенько сюда приезжает. Это маленькая девочка будет здесь радоваться. Я делаю чтобы ребёнку было интересно. Когда я в городе жил, я как-то умудрился купить шторы охристого цвета. Оказалось, что там ещё были нарисованы падающие листья. Когда солнце бьёт, мне очень нравилось на это смотреть. Сейчас нет этих штор, но эти листья перекочуют на эти стены.

- Всё идёт из нашей памяти.

- Можно, конечно сложную композицию сделать. Но мне интересно в одной стене изобразить три времени года. Не изображая в лоб, а просто ассоциация с весной через тёплые краски. Потом я сестре сказал, что вот эту стену можно дополнять. Можете какие-то аппликации сами делать, можете приклеивать какие-то интересные картинки.

У нас из этого региона нету ни одного художника. Улаган, Кош-Агач любят изображать, а тут как-то нет художников. И я думаю, что мне обязательно надо сделать серию работ, посвящённую малой родине.

Чаепитие в Барагаше

- Потом мы пили чай. «Чаепитие в Барагаше. Вот маленькие барагашки сидят. А мы большие бараганы». Торбоков разговаривал по телефону с соседкой по Аскату Татьяной Мамлеевой:

- У меня сестра плакаты с предвыборной агитацией взяла с собой расклеить в тайге, народу там больше, чем в деревне. Я там чуть не утонул в болоте. Весь пришёл мокрый. Правда она говорит, нету никакого болота. А как я нахожу это болото? Ну она принесла такие грузди большие, волнушки, лисички. Утром опять подскочила и опять побежала за грибами. Но Кемеровский народ, оказывается, грибы не любят.

В своё время, в 90-е годы у нас очень было развито движение рериховское, проходили религиозные фестивали, приезжали со всего света - там были и индусы, и голландцы, ещё кто-то там. Борис Суразаков и вместе с ними посадил меня в вертолёт и отправил на Белуху.

- В то время и я там был.

- Так что я на Белухе оказался в течение часа. А так надо топать несколько суток туда. Вы - молодые, дойдёте. Побольше сухарей... Татьяна всем привет передаёт и поставила бешбармак.

В прошлый раз приехал, а наш дом, в котором я в детстве рос, он стоит до сих пор. Он такой старый, маленький. А когда я был маленьким, он казался таким большим. Не хотите скататься в Шаргайту, посмотреть мой родительский дом, тут недалеко километров десять.

- Хотим! Поскакали!

Пока ехали, я думал о том, что в роду Торбоковых есть учителя и врачи, трактористы и фермеры, музыканты и художники. Я понял из общения, что его род - это счастливые, уверенные в себе, да просто красивые люди. Например его племянница Алтынсай на конкурсе красоты мисс Азия-Сибирь завоевала призовое место.

Это мой родительский дом

Вон гора Синюха...

Знак при въезде в село сделали местные художники.

Село Шаргайта.

Торбоков:

- Вон гора Синюха. Мы в детстве на неё лазили. Это мой дом, я всё хочу написать пейзаж с ним. Это черёмуха. Сейчас тут чужие люди живут. Тут сухое дерево стояло, прилетала кукушка, а мы маленькие орали : «Кукушка-кукушка, сколько нам жить осталось?» У этого дома потолка то нет, это как аил. У нас баталии были, всё время дрались. Здесь мы летом кандыки колышками копали и кушали...

Вячеслав Сергеевич не выпуская из рук маленький фотоаппарат, робко, как мне показалось, открыл калитку родительского дома и несмело вошёл во двор, где теперь жили чужие люди.

Звучит песня Ивана Кучина «Цветёт сирень у нашего окошка...» Фоном идут фотографии из жизни художника Вячеслава Сергеевича Торбокова.

Титр:

«Художник - тот кто создаёт прекрасное. Раскрыть людям себя и скрыть художника - вот к чему стремится искусство.

Те, кто способны узреть в прекрасном его высший смысл - люди культурные, они не безнадёжные. Но избранник тот - кто в прекрасном видит лишь одно – красоту».

Жак Энтони, художник

Старый аил

Сейчас тут чужие люди живут...

Алтынсай – племянница Торбокова

Род Торбоковых

У меня в данный момент счастливый период жизни

СОДЕРЖАНИЕ

Признание в любви	3
Художник Вячеслав Торбоков. Часть 1	11
Художник Вячеслав Торбоков. Часть 2	17
Кинооператор и художник	73
Художник Вячеслав Торбоков. Часть 3	83

Автор этой книжки – кинооператор, бывший ведущий популярной программы «Шаг за горизонт» Юрий Светлаков.

С 1961 по 2006 год работал на Кемеровской студии телевидения.

Снимал киноочерки, вёл циклы передач:

«Кинолетопись Кузбасса», «Рассказы о Кузбассе», «Колесо», «Люди земли Кузнецкой», «Шаг за горизонт», «Семейный альбом».

Автор нескольких книг: «Киноленты памяти», «Съёмщик»,

«Шаг за горизонт», «Семейный альбом», «Шаг за горизонт-2»,

«Путь непослушания, или неправильные люди»,

«Кемеровское телевидение. История в чёрно-белых фотографиях»,

«Запрещённый «Шаг за горизонт», «Дом поэта», «Автор-оператор»,

«Сибиряки-добровольцы на экране», «Свет мерцающих звёзд».

«Штрихи к портрету», «Две книжки под одной обложкой»,

«Диалог», «Слово о полку Игореве», «Отражение»,

«Моё документальное кино», «Вспомнить детство и забыть»,

«Все ушли на фронт», «Время, назад!», «Таинственная Сибирь»,

«Предсказание катастроф», «Житель Марса Иван Егорович Селиванов»,

«Запрещённый «Шаг за горизонт», «Леонардо Викалло»,

«Сегодня мы играем так...», «Вот моя деревня...» и другие.

Профессор кафедры фотовидеотворчества КГИКа.

Член Петровской академии науки и искусств.

Почётный гражданин Кемеровской области.

Сайт: yuri-svetlakov.ru

Эл. почта: svetlakov38@mail.ru

Светлаков Юрий Яковлевич

ХУДОЖНИК ИЗ АСКАТА

Под редакцией автора.

Компьютерный набор:

Елена Светлакова,

Елена Стафиевская

Подписано к печати 7. 10. 2019 Формат 60x84 1/16

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».

Усл. Печ. Л. 12. Тираж 100 экз. Заказ № 167

Отпечатано в типографии ООО «ИНТ»

650099, г. Кемерово, пр. Октябрьский, 28, Тел. 93842) 65-78-89

